

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 34

1981

Яков КОЗЛОВСКИЙ

КАК В МОЛОДОСТИ
ОТДАЛЕННОЙ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 34

Яков КОЗЛОВСКИЙ

**КАК В МОЛОДОСТИ
ОТДАЛЕННОЙ**

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Яков Абрамович Козловский родился под Москвой, в городе Истра, в 1921 году. Учился в московской средней школе. Служил в Советской Армии. С первого часа Отечественной войны — на фронте. После войны окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор поэтических книг: «Офицер связи», «Вереск», «Арена», «Воочию», «Созвездие близнецов» и других.

Известен также как переводчик кавказской и среднеазиатской поэзии. Заслуженный деятель искусств Дагестана, лауреат премии Сулеймана Стальского. Секретарь правления Московской писательской организации.

* * *

Душа, чело и вечность...
Прислушайтесь к словам,
В них слово человечность
Не слышится ли вам?

Душа, душа, душевность,
Напевность слов простых,
И чувств неповседневность,
И вся волшебность их.

Чело, чело, очелье,
Ученье, а не тьма,
Жестокое значенье
Высокого ума.

Года, столетья, вечность...
Сквозь эту млечность лет
Я вижу твой, сердечность,
Неразличимый след.

* * *

Первородство естества
Есть стиха первооснова.
Грех великий мучить слово,
Быть лишенным божества.

Стих являл спокон веков
Чувств и мыслей совокупность,
Их земную неподкупность
И летучесть облаков.

И предостеречь от зла
Я хочу кого-то снова:
Грех великий мучить слово
В живодерне ремесла.

* * *

До боли стиснув зубы,
Полк высоту берет.
И не играют трубы,
И барабан не бьет.

Солдаты умирают,
Бок о бок их кладут.
И в трубы не играют,
И в барабан не бьют.

Мы в кровь кусаем губы
И вновь идем вперед.
И не играют трубы,
И барабан не бьет.

Пускай не забывают,
Как высоту берут,
Как в трубы не играют,
Как в барабан не бьют.

БАЛЛАДА О ПРЕОДОЛЕНИИ ЗЕМНОГО ПРИТЯЖЕНИЯ

День на смену полумраку
Занялся, кровотока,
Лейтенант хрипит:
— В атаку! —
Автомат сорвав с плеча.

Он недавно прибыл в роту:
Прежние в земле лежат,
На смертельную работу
Поднимавшие солдат.

Должен,
 превратясь в мишень, я
Встать, как жизнь ни прекословь.
Мы земное притяженье
Преодолеваем вновь.

Жив останешься — две меры
Выдаст водки старшина.

А убитым —
 из фанеры
Всем на круг — звезда одна.

К ВЕРШИНАМ УСТРЕМЯСЬ...

К вершинам устремясь,
Летим на холм с холма.
Дорога — словно вязь
Грузинского письма.

Под небом этих мест,
Тому немало лет,
Как с лучшей из невест
Венчался наш поэт.

Являла добрый нрав,
Прекрасна и нежна,
Его женою став,
Грузинская княжна.

Но вскоре весть летит,
Пред нею засты свет:
Он в Персии убит,
Посол наш и поэт.

Шептала вновь и вновь,
Когда за гробом шла:
— Зачем, моя любовь,
Тебя пережила?

Шестнадцать было ей
В день свадьбы роковой,
Но до скончанья дней
Осталась вдовой.

Мы платим, не скупясь,
Дань горю от ума...
Дорога — словно вязь
Грузинского письма.

Утих Тифлис — Кавказа город стольный,
Рдел, как погоны гвардии, закат,
И Воронцова пленник добровольный
К намазу приступил Хаджи-Мурат.

Привычно он восславил имя бога
И прошептал о родине скорбя:
— Ты не давай мне счастья слишком много,
Чтоб я, о боже, не забыл тебя.

Рванусь ли в перестрелку, как бывало,
Или войду к единственной жене,
Ты не давай мне счастья слишком мало,
Чтоб не забыли люди обо мне.

ГОЛОВА ХАДЖИ-МУРАТА

*— А все-таки молодчина был,— сказал
он.— Дай, я его поцелую.*

Л. Толстой.

— А ну покажь-ка, Ерофей,
Добычу славную майору.
Пускай оценит он трофей,
Что враз его предстанет взору.

Рука донского казака
В мешок полезла, как лопата.
И голову Хаджи-Мурата
Она достала из мешка.

Майор, что был навеселе,
Насупился, как от ушиба,
И вспомнил лихостью в седле
Окрест блиставшего наиба.

И, помолчав минуты две,
Злорадством честь не унижая,
Сказал он бритой голове,
Как воин, доблесть уважая:

Дружно содвинув заздравные чары,
Пили мужчины,

но в тысячу раз
Больше пьянили их женские чары...
Старая песня: любовь и Кавказ.

Даже сквозь морок мне,
будь он неладен,
Видятся снова в полуночный час
Очи — подобие двух виноградин...
Старая песня: любовь и Кавказ.

Может, не присказка, может, не сказка,
Что под рубахой сокрыта от глаз
Рана сквозная, тугая повязка...
Старая песня: любовь и Кавказ.

Кланяюсь хлебу простого помола
Небу, что дымчато, словно топаз,
Доли Махмуда, недоли Паоло...
Старая песня: любовь и Кавказ.

Воспоминаний зеленые лозы
Нас оплетают, им век — не указ.
Слезы над вымыслом — вестницы прозы...
Старая песня: любовь и Кавказ.

ХЕВСУРСКИЕ ЛЕКАРИ

Л. К. Богушу

Где бой метнуться у дверей
Мог, словно каменная осыпь,
Свой обезболиванья способ
Был у хевсурских лекарей.

Когда им воинов лихих
Случалось врачевать раненья,
Красавиц отчего селенья
Они сажали возле них.

От боли раненый бледнел,
Но, видя женщин пред собою,
Унизить криком и мольбою
Мужского звания не смел.

Отчаян времени аллюр,
Но годы преданы надежде,
Что перед женщиной, как прежде,
Не выдаст боль свою хевсур.

СЛОВО

Слова умеют плакать и смеяться,
Приказывать, молить и заклинать,
И, словно сердце, кровью обливаться,
И равнодушно холодом дышать.

Добры они бывают и жестоки,
Тяют пороки помыслов людских,
Негромко изрекают их пророки,
А торгаши выкрикивают их.

Со сцены королевский пересмешник
Еще словами потрясает всех.
Их горько шепчет кающийся грешник
И сладко шепчет, кто впадает в грех.

Призывом стать, и отзывом, и зовом
Способно слово, изменяя лад.
И проклинают, и клянутся словом,
Напутствуют, и славят, и чернят.

И прежний смысл вдруг обернется новым:
То — «Лист опал», то — «Глянь, какой опал».
И тот велик, кто на веку лишь словом
Брал крепости и царства покорял.

СТОЯЛИ ДНИ С ВЫСОКИМ НЕБОМ

Врываясь в рощи и сады,
Восславив августа кончину,
Пируя,
 черные дрозды
Клевали красную рябину.

И резче прежнего вдали
Тропы очерчивался профиль.
И свежавырытый картофель
Студенты на поле пекли.

Белея до голубизны,
Качалась на возу капуста.
Пророча зимник, полный хруста,
Поскрипывали кочаны.

И за машиною листва
Кидалась вслед, как по тревоге,
И снова падала, мертва,
По обе стороны дороги.

Над желтой заметью резной
Мы жили не единым хлебом.
Стояли дни с высоким небом
И тихой ясностью сквозной.

* * *

Ночной порой под небом отческим
Простое слово, как во сне,
Казалось нам почти пророческим,
А женщина — милей вдвойне.

И набегала не украдкою
Слеза над вымыслом письма.
А женщина была загадкою,
Чтобы сходили мы с ума.

Высь над землею свечи плавила
И озаряла алтари,
Где губы жадничали пламенно
И рдели строки изнутри.

Но вот ростки восхода вызрели,
Подсвечивая облака.
И губы высохли и выцвели,
И бледной сделалась строка.

Напрасно всякий раз пытаемся
Мы трезвый умолить рассвет,
Чтоб он сберег ночное таинство,
А не сводил его на нет.

Но вновь под ним он недвусмысленно
Подводит красную черту.
И только то, наверно, истинно,
Что выживает на свету.

* * *

Как на чудо, смотрю на прохожих
Я в потоке людских верениц,
Сколько разных и сколько несхожих
Преодо мной человеческих лиц.

Это высшее таинство длится
На земле с незапамятных лет.
Наши облики, лики и лица
Отвергали в веках графарет.

Самобытны лицом и уроды
И красавцы...
А суть такова,
Что не знаешь: то диво природы
Иль вершина ее мастерства?

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Вез над рекой нас кучер.
Искрясь, клубился снег.
«Мне милый мой наскучил», —
Услышал я сквозь смех.

И шапку стал ерошить
Один из седоков.
Свет высекала лошадь
Четверкою подков.

Я знал, что этот случай
Не первый под луной...
«Мне милый друг наскучил,
Простится пусть со мной».

Белел платок пуховый,
Был грешен пламень губ,
А взгляд ее бедовый
Смеялся, душегуб.

Деревья берег скучил,
Саней резвился бег...
«Мне милый мой наскучил»...
Дорога. Полночь. Снег.

И нежный я и грубый,
Суждениям не холоп.
Живых целую в губы,
Целую мертвых в лоб.

Сам не хожу по струнке,
И мне даны права
Оценивать поступки
И взвешивать слова.

Не страшен мне жестокий
Судья,
 что нравом крут,
А страшен невысокий
И предрешенный суд.

Прослыть святыми где ж нам!
Хорош я или плох,
Во мне, земном и грешном,
Ты, совесть, бог!

Гнездись в душе, как птица.
Спасай меня и впредь,
Не дай мне оступиться,
В бесчестье умереть.

В ОСЕННЕЙ ЧАЩЕ

Клен золото бросает на кон,
Как будто продувной игрок.
И ворон черный, словно дьякон,
Тарацит на него зрачок.

И обнажающейся чащей
Вновь бродит женщина одна,
Чья грустью светлой и щемящей
Душа неспрадная полна.

Когда невинно цвел терновник
И пчел поил, как из пиал,
Жених, а может быть, любовник,
Ее здесь сладко целовал.

Дерев качели в бликах сини
Раскачивали птиц вокруг,
Чьи певчие кочевья ныне
Безмолвно движутся на юг.

И женщиной без слез оплакан
День, походивший на зарок.
И ворон черный, словно дьякон,
Таращит на нее зрачок.

КАК В МОЛОДОСТИ ОТДАЛЕННОЙ...

Как в молодости отдаленной,
При звездах, озаривших мглу,
Звонит из будки телефонной
Он у аптеки на углу.

И замирает не случайно,
Когда у белого виска
Из трубки слышится звучанье
Девического голоса.

Любить отчаянно готовых
Ждет не одна еще гроза,
Виною — разница годов их,
Бросающаяся в глаза.

Но от всего, что им обоим
Впредь угрожает на земле,
Он отрешен, как перед боем,
И отражается в стекле.

И потому вздыхает трубка,
Которую невдалеке
Его голубушка-голубка
Сжимает в маленькой руке.

Божественно, а не амурно
Пред ним встает ее лицо.
И светится кольцо Сатурна,
Как обручальное кольцо.

* * *

Черемухи ворох
Иль снег небывалый?
Взрывается порох
От искорки малой.

Вещи никчемные
Дремлют в печали.
Туфельки черные
На пол упали.

Отсвет небрежности
На половицах.
И безгрешности
Отсвет на лицах.

Полночи полог
Укрыл нас, как друг.
И темени порох
Рассыпан вокруг.

И замерло слово.
То явь или сон?
И к пороху снова
Огонь поднесен.

* * *

Поймав на площади такси,
Он, как у края омута,
Шоферу говорит: —
Вези
По адресу такому-то.

Взлетает чертом на порог
И, бледный, словно раненый,
В мансарду входит, как в чертог,
И взгляд бросает пламенный.

До смелости, до робости,
Наверно, неспроста
Всегда у края пропасти
Сладка нам высота.

Слова нежны и огненны,
И сходит он с ума,
А за дверьми, за окнами
Зима, зима, зима.

И вновь глаза зеленые
Целует и на дне
Две капельки соленые
Видит в глубине.

Пусть кружится, как в поезде,
Земля и небосвод,
Но угрызенье совести
Пусть за дверьми не ждет.

* * *

Витийствуйте, когда вам любо,—
Что он изменит, ваш запал?
Я из прокуренного клуба
На волю за город бежал.

И возле станции насосной
И белых выструганных слег
Смотрю, как падает на сосны
Крещенский совестливый снег.

И гонят прочь из сердца одурь
Страды тщеславной и чумной
Виденья,
рядом и поодаль
Возникшие передо мной.

Ущербный диск встает над чашей,
Осилив туч косматый плен.
Раздумья час — мой час сладчайший —
Будь, как всегда, благословен!

Мелькнув огнями, поезд свистнул,
И вновь ни звука.

Тишина.

И все полно значенья, смысла:
И снег, и сосны, и луна.

* * *

И те, которых не читают,
Вздувая шум, как ветряки,
Себя талантами считают
Действительности вопреки.

И всяк, на свой манер и способ,
Лишь занят ловлею похвал:
И доморощенный философ
И малограмотный нахал.

Впадают в суетность они,
Хоть у иных осанка павья.
О, как им страшно быть в тени,
Под небом ярмарки тщеславья!

Свое оставит только тот
В душе у ближнего посольство,
Кого, как мастера, гнетет
Самим собою недовольство.

Подъезд театра. Вечер. Снег.
Афиша на стене намокла.
Идет трагедия Софокла,
Которой двадцать пятый век.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Изыщество — союз истины и добра.

В. Даль. Толковый словарь.

Когда свободного пера
Десница Пушкина касалась,
У нас изыщество считалось
Союзом правды и добра.

Чиновник или офицер
Порою обретал известность.
Сама изящная словесность
Тому блистательный пример.

И миру ведомо давно,
Что в храм изящности словесной
Дорогой доблестной и честной
Входить талантам суждено.

И оставался в дураках,
Кто, поклоняясь темным нравам,
Пер со своим сюда уставом,
Как будто в грязных башмаках.

СТРАНИЦЫ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Вижу за грядой годин,
Там, где снег подобен свету,
Между двух Екатериин
Анну и Елизавету.

Государства во главе
Эти женщины стояли,
И не все,
 в обход молве,
Заносилось на скрижали.

Вознеслись на крови
Трех из них ступени к власти.
Не скупясь, платили страсти
Дань коварству и любви.

Вот седок к воротам монаршим
Путь направил, торопясь.
— С чем пожаловал, фельдмаршал
Меншиков, светлейший князь?

— Власть бери, но помни друга,
Мною сделана игра,
Свет-трофейная супруга
Императора Петра!

Смена шумных именов,
Смена Тайного Совета.
Между двух Екатериин
Анна и Елизавета.

Воле турок вопреки,
Жерла пушек протирая,
Встали русские полки
У ворот Бахчисарая.

Хоть плохи дела с казной,
Но потешится столица,
Женит карликов царица,
Дом возводит Лебяной.

На дорогах карантин,
И Бирона песня спета.
Между двух Екатерин
Анна и Елизавета.

И уже спешит, щедра,
Одарить дворянством роту,
Дань отдав перевороту
Дочь Великого Петра.

Запорожский Аполлон —
Пел Алешка Розум в хоре,
«Разумовским» стал он вскорее,
В камергеры возведен.

Караулы, становые
И Москва — не ближний свет,
Но в Москве открыл впервые
Двери университет.

Вхож в него простолюдин
В силу высшего декрета.
Между двух Екатерин
Анна и Елизавета.

Треск свечей и блеск полов,
Лейб-гвардейский полк в зените.
И в своей руке Орлов
Держит заговора нити.

Воздавай, народ честной,
Славу брату фаворита!
Флаг российский над Чесмой,
Порта на море разбита.

Хоть с Вольтером и Дидро
Вольнодумна переписка,
Донесения и сыска
Почитается перо.

Отсвет зарев кумачев,
Дух мятежный сладок кметям,
Где Петром назвавшись Третьим,
Бунт возглавил Пугачев.

— Не щадить холопских спин!
Палачам пять тыщ за это!
Между двух Екатерин
Анна и Елизавета.

Но уже в Россию конный
Мчит с известием почтарь,
Что в Париже просвещенный
Обезглавлен государь.

Мятежу теперь на милость
Может помнить лишь смутьян,
Что в «Наказе» говорилось
О свободе для крестьян.

Не благой надеждой выслан
Путь на стыке двух веков,
И в Сибирь Радищев выслан
И посажен Новиков.

Сквозь клубящийся туман
Даль окидывая жадно,
Встал над Каспием державно
С войском Зубов Валерьян.

Трон один и век один
И не все поглотит Лета.
Между двух Екатерин
Анна и Елизавета.

АКТЕРКА

В Санкт-Петербург привезена...

С. Наровчатов.

Благоволил удел Анфиске:
И меломан и хлебосол,
Ее, дворовую, в артистки
Поместный барин произвел.

И все пошло своим манером:
О ней радели, хлопоча,
Уча и танцам и манерам
И лицедействовать уча.

Впрямь старый барин был провидцем,
И всей губернией к добру
По навощенным половицам
Шел слух про ейную игру.

Успех! Фортуна!
Мать честная!
В карете, трепета полна,
Она, актерка крепостная,
В Санкт-Петербург привезена.

И там, в театре над Невою,
Уже расчетливо-мила,
Она признание и волю
Одновременно обрела.

Что ей война, что ей холера,
Что беды прочие,
пока
Льнут завсегдатаи партера,
Льнут завсегдатаи райка?

Дурных примет боялась,
сглаза,
Но и карьере есть конец:
Майор, вернувшийся с Кавказа,
Сманил Анфису под венец.

Она именем управляла,
Овес сбывала ямщикам,
О прошлом изредка вздыхала
И девок была по щекам.

ЛИПЫ В ЯНВАРЕ

Шагов притихли скрипы,
И ветер ни гугу.
Как чернь, толпятся липы
На царственном лугу.

На них благоговейных,
Осенним дням близки,
При семечках кофейных
Шафранятся листки.

Их
сонмы,
сонмы,
сонмы
Над угольем коры.
А может, видим сон мы,
Где слились две поры?

Как зримое шаманство
Пред нами на дворе
Осеннее убранство
На липах в январе.

* * *

Оружейного цеха суров
Был обычай,
согласный с поверьем,
Что судьбою не всем подмастерьям
Превращаться дано в мастеров.

Но возрастало число их голов,
И решили в тщеславье обидчивом
Подмастерья покончить с обычаем,
Обособившим цех мастеров.

* * *

Как ждут погоды под дождем,
Неравнодушные к потерям,
Разочарованные — ждем
И очарованные — верим.

И в двадцать лет и даже в сто,
Таков характер человека,
Все верят в лучшее, никто
Не верит в худшее от века.

И в очарованном строю,
Пусть многих это озадачит,
Иной в душе печально прячет
Разочарованность свою.

Надежда, будь моим вождем,
Не покидай высокий терем.
Разочарованные — ждем
И очарованные — верим.

* * *

Уж лучше бы я сподличал:
Больным сказался,
но
Не ехал в гости под вечер,
Где чинно пьют вино.

Где надо слушать дохлого,
Одетого в сюртук,
Наскучившего доктора
Резиновых наук.

Где лампа с мордой окуня
Желтеет у стены.
А мысли, словно оканье,
Сплошь округлены.

Вещей и лиц паноптикум
И духота жилья.
Когда бы был синоптиком,
Грозу б накликал я.

И в радостном предчувствии
Счастливых новостей
При громовом напутствии
Уехал из гостей.

ДВЕ СУДЬБЫ

Бабы девку корили: — Гулена! —
Мать в слезах призывала к стыду,
Но в ответ улыбалась Алена:
— Погуляю и замуж пойду!

А Наталью хвалили: — Вот лада!
Не чета вертихвостке иной.
Подберет себе мужа что надо
И завидною станет женой.

Погуляла Алена немало,
Но свое не сломала житье,
Замуж выскочив, матерью стала.
Муж пылинки сдувает с нее.

Кто радел ей на хорах небесных,
Кто радел на просторах земных?
А Наталья все ходит в невестах,
Тайно плачет на свадьбах чужих.

* * *

Ночного поезда гудок
Неподалеку охал.
И снег летел наискосок
Трассирующих окон.

Белели,
им опущены,
Все крыши дачной местности,
Он падал с темной вышины,
С огромной неизвестности.

Под ним сливались свет и тьма,
И годы и мгновения,
И мы — сходившие с ума
В пылу круговращения.

Не ведал я, отвергнув сон,
Куда нас полночь вынесла.
Не знал: тобой ли я пленен
Или в плену у вымысла?

Несовершенных и земных
Когда мы обожаем,
До совершенства образ их
Мы довоображаем.

Кружился снег.
И досветла
Я так неосмотрительно
Шептал тебе, что ты мила,
Что ты обворожительна.

ЗАПРЕЩЕННАЯ ОХОТА

В степи, куда ни подступи,
Пора охота,
Но запрещенная в степи
Идет охота.

Сайгаки мчат во весь опор
Сквозь бездну мрака,
А сзади скорости мотор
Сосет из бака.

«Слепи их фарами, слепи!
Держи правее!»
И двух стволов гремит в степи
Залп, багровея.

Оглух шофер, осоловел,
Крутя баранку.
И проклиная свой удел,
Как лихоманку.

И ошалело на педаль
Он жмет все прытче,
Хотя в очах его печаль
Древнее притчи.

Осатанел он не к добру,
Шофер-молчальник:
«Зазря грех на душу беру
С тобой, начальник!

Не попади! Не попади!
Забудь свежину...»
А егерь дрыхнет и, поди,
Вновь пьян в дымину.

* * *

Мы — люди — не камень,
А жизнь как страда.
Прошли мы сквозь пламень
Земного стыда.

Прошли, не исчезли,
И грех — не беда,
Мы словно воскресли,
Сгорев от стыда.

Коснешься ты клавиш,
Прильну я к перу,
И ты не слукавишь,
И я не совру.

Не стали мы старе,
И видят года:
Мы взрослыми стали,
Сгорев от стыда.

А взрослая зрелость
Всегда молода,
А взрослая смелость
Берет города.

Но прошлое снова
Припомнится вдруг,
Из песни ни слова
Не выбросишь, друг.

День красен, как долг платежом,
И, вклинившись между снегами,
Дорога скрипит под ногами,
Что спелый арбуз под ножом.

Уста наши схожи с костром,
Когда свое сердце мы слышим
И на руки женщины дышим,
Их грея над снежным ковром.

Ах, чей это промысел, чей?
Была б моя добрая воля,
Я с женщин, деревьев и поля
Вовек не сводил бы очей.

* * *

Тайный сговор до света окончив,
Устремлялись в чашобу стрелки.
И слюной истекают у гончих,
Как от бешенства, вновь языки.

Страсть охоты, подобная игу,
И людей покорила и псов...
Занеси меня в Красную книгу,
Словно редкого зверя лесов.

ДЯТЕЛ

Зеленый дятел прилетал,
Стучал по высохшему дереву
И чью-то криками пугал
Жену, похожую на деву.

И, стоя в глубине окна
Перед своей постелью смятой,
Тревожно думала она:
— Опять явился, соглядатай.

Казалось ей, что он вещал,
Далекий ладному напеву,
О том, кто тайно навещал
Ее, похожую на деву.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Душа, чело и вечность...»	3
«Первородство естества...»	3
«До боли стиснув зубы...»	4
Баллада о преодолении земного притяжения	4
К вершинам устремясь	5
«Утих Тифлис — Кавказа город стольный...»	6
Голова Хаджи-Мурата	6
Лермонтов	7
Старая песня	7
Хевсурские лекари	8
Слово	9
Стояли дни с высоким небом	9
«Ночной порой под небом отческим...»	10
«Как на чудо смотрю на прохожих...»	11
В новогоднюю ночь	11
«И нежный я, и грубый...»	12
В осенней чаще	12
Как в молодости отдаленной	13
«Черемухи ворох...»	14
«Поймав на площади такси...»	14
«Витийствуйте, когда вам любо...»	15
«И те, которых не читают...»	16
Изыщная словесность	16
Страницы русской старины	17
Актерка	20
Липы в январе	21
«Оружейного цеха суров...»	21

Памяти Михаила Луконина	22
«Кидаемся подчас...»	22
Бело, но нет однообразья	23
«Как ждут погоды под дождем...»	24
«Уж лучше бы я сподличал...»	24
Две судьбы	25
«Ночного поезда гудок...»	25
Запрещенная охота	26
«Мы — люди — не камень...»	27
«Она зимой сходила с поезда...»	28
Неоплавленный снег	28
«Тайный сговор до света окончив...»	29
Дятел	29
На пляже	30
Родине	30

Яков Абрамович Козловский
КАК В МОЛОДОСТИ ОТДАЛЕННОЙ

Редактор М. М. Ж и г а л о в а .

Технический редактор Е. Н. Щ у к и н а .

Сдано в набор 09.07.81. Подписано к печати 15.09.81. А 00431.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,47. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 2095. Зак. № 952. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668

СПОРТЛОТО

6 ИЗ 49

и 5 ИЗ 36

Каждую субботу проводятся тиражи «Спортлото» «6 из 49» и «5 из 36». Доходы от спортивных лотерей направляются на развитие физической культуры и спорта, строительство спортивных сооружений.

Билеты участвуют в тираже двумя комбинациями номеров.

Выигрыш от 3 до 10 000 рублей.

Главное управление спортивных лотерей